

Ежегодная международная конференция «Рериховские чтения 2018 (58). Текст и память культуры: Древняя и средневековая Индия и Центральная Азия»

Е. В. Тюлина

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1758-8990>, e-mail: tyulina57@mail.ru

Резюме: в обзоре конференции, посвященной памяти Юрия Николаевича Рериха, представлены доклады ученых, продолжающих основные направления деятельности Ю. Н. Рериха и занимающихся исследованием Тибета, Индии и Центральной Азии. Тематика чтений охватывала несколько областей гуманитарного знания: филологию и языкознание, историю и искусствоведение, философию и религиоведение. Большинство докладов основывалось на материале малоисследованных древних и средневековых текстов – санскритских, палийских, тибетских, непальских, китайских, японских и др. При этом докладчики не ограничивались только обращением к тексту как к источнику, но и касались теоретических проблем формирования, трансляции и функционирования текста, а также особенностей его перевода и интерпретации.

Ключевые слова: индология; перевод и интерпретация текстов; тибетология; Ю. Н. Рерих

Для цитирования: Тюлина Е. В. Ежегодная международная конференция «Рериховские чтения 2018 (58). Текст и память культуры: Древняя и средневековая Индия и Центральная Азия». *Ориенталистика*. 2019;2(1):191–203. DOI: 10.31696/2618-7043-2019-2-1-191-203.

George Roerich Annual International Meeting (Ancient and Medieval India and Central Asia Text and memory of Culture)

E. V. Tyulina

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1758-8990>, e-mail: tyulina57@mail.ru

Abstract: The article offers a review of the 58th George Roerich Annual International Meeting. The meeting was attended by 34 scholars from Russia and Ukraine who conduct their research in the fields, which did interest the late Yu.N. Roerich, such as Tibet, India and Central Asia. The talks were held on the subjects closely related to the

political history, history of art, language philosophy and the history of religion. The scholars analyzed mostly unknown or very little texts, both ancient and medieval, written in Sanskrit, Pali, Tibetan, Nepalese, Chinese, Japanese and other languages. Along with the textual analysis they also offered results of their research in such areas as textual tradition, migration, as well as interpretation and translation into other languages.

Keywords: G. N. Roerich (1902–1960); India, studies of; South Eastern Asia, studies of; Texts, Asian, translation and interpretation of; Tibet, studies of

For citation: Tyulina E. V. George Roerich Annual International Meeting (Ancient and Medieval India and Central Asia Text and memory of Culture). *Orientalistica*. 2019;2(1):191–203. (In Russ.) DOI: 10.31696/2618-7043-2019-2-1-191-203.

17–19 декабря 2018 г. в Институте востоковедения РАН состоялись LVIII Рериховские чтения, посвященные теме «Текст и память культуры: Древняя и средневековая Индия и Центральная Азия». По традиции в чтениях принимали участие ученые, чьи исследования соответствуют основным направлениям научной деятельности Ю. Н. Рериха. Специалисты из Москвы, Санкт-Петербурга и Киева представили в общей сложности 34 доклада.

Доклад *Е. Д. Огневой* (ИВ РАН) «Поталака – местопребывание Авалокитещвары и один из его образов в тибетской традиции» был посвящен изучению танки из собрания Кабинета Ю. Н. Рериха (ИВ РАН, г. Москва), на которой изображен бодхисаттва милосердия Авалокитешвара. На танке рядом с центральной фигурой мы видим изображения, с помощью которых создается образ некой благословенной чистой земли – склоны гор, поросшие деревьями, целебными травами и цветами, искусственный водоем с лотосом и благими подношениями, пара оленей и птиц. Докладчица предположила, что этот образ – Поталака, его земля пребывания. Проанализировав буддийские тексты и визуальные изображения, посвященные Авалокитешваре и Поталаке, исследователь показала, что композиция на танке является самостоятельной тибетской разработкой сюжета Поталаки, в основе которого, видимо, лежит конкретный тибетский текст, содержащий описание реального или умозрительного паломничества к месту пребывания Авалокитешвары.

А. Г. Люлина (ИВ РАН) в докладе «Тибетский принцип *чой-йон* и его значение для тибето-цинских отношений» разъяснила смысл принципа *чой-йон* (отношения «духовный наставник – светский покровитель»), на основе которого строились отношения и связи, как внутренние – между различными регионами Тибета, ведомствами, личностями, так и внешние – между Тибетом и другими государствами. Наиболее подробно она остановилась на реформах Далай-ламы V Нгаванга Лобсанга Гьяцо (1617–1682), стремившегося создать наднациональное буддийское правительство, политика которого основывалась бы на принципах мирного сосуществования народов и единения религиозной и политической вла-

сти. Его встреча с цинским императором Шуньчжи в 1652 г. положила начало созданию отношений по типу *чой-йон* между Далай-ламами, Панчен-ламами и цинскими императорами, что предопределило развитие тибето-цинских отношений на протяжении полутора веков.

В докладе «Нетибетская лексика в тибетских диалектах Балтистана и Каргила: попытка этимологической классификации» А. И. Коган (ИВ РАН) предпринял попытку выявить и исследовать результаты внешнего (возможно, субстратного) влияния в лексике «мусульманских» тибетских диалектов. Для рассмотрения он привлек материал, содержащийся в словарях балти и ладакхи, включающих также данные по каргильскому диалекту. Проведенный анализ дал основания докладчику говорить о наличии довольно значительного пласта как индоиранской лексики, так и лексики, усвоенной из языка, близкого к бурушаски. При этом одна часть заимствований объединяет «мусульманские» диалекты с «буддийскими» говорами Нижнего Ладакха и района Леха, а другая характерна только для Каргила и Балтистана. Однако докладчик отметил, что поскольку работа по составлению словарей еще не завершена, представленные им результаты носят предварительный характер.

Г. Г. Хмуркин (МГТУ) в докладе «Индийские нумерационные системы. По материалам трактата Махавирачарьи “Собрание основных положений науки о вычислениях” (середина IX в.)» продемонстрировал различные системы записи натуральных чисел, использовавшиеся в средневековой Индии, выявил их особенности и закономерности. Нумерационные системы позволяли записывать одно и то же число различными способами. Например, простейшее число (цифра) 1 допускало как минимум 97 вариантов записи. Это вызвано тем, что значительная часть средневековых индийских астрономо-математических трактатов написана метрическим текстом, для создания которого требовался запас слов, обладающих разным количеством слогов. Доклад был воспринят с большим интересом, так как многие участники конференции занимаются исследованием санскритских текстов и столкнулись с трудностями при переводе названий чисел.

В. С. Дылыкова (Москва) в докладе «Еще раз о буквальном переводе третьей версии “Калачакра-тантры” буддийского канона» рассказала о специфике и сложности перевода третьей версии «Калачакра-тантры». Главные трудности вызваны тем, что в тексте используются буддийские термины, имеющие глубокие символические значения, так как они связаны с классом четырех главных тантр, излагающих медитативную практику йогических учений Древней Индии и Тибета.

Доклад А. Г. Мехакяна (ИВ РАН) «Майтхуна, слияние лотоса и ваджры, или О некоторых особенностях символического языка *сандхья-бхаша* буддизма ваджраяны» также касался сложностей понимания текстов тантры. Он предложил свою трактовку и перевод термина *сандхья-бхаша*

(*saṃdhyā–bhāṣaṃ*), обозначавшего особый многозначный язык, который лег в основу большинства философских трактатов тантрического индуизма и буддизма ваджраяны. В западной литературе он переводится как «язык тайны», «сокровенные речения», «энигматический язык», «сумеречный язык» и т.д. По мнению докладчика, термин *сандхья-бхаша* правильнее всего переводить как «символический язык», так как санскритское слово *saṃdhyā* означает прежде всего объединение, слияние воедино, а слово «символ» является производным от греческого σύμβολον (знак, признак, символ), которое в свою очередь происходит от глагола σύμ-βάλλω – «сличать, сравнивать, присоединять». В контексте философии тантры языковые слова-символы (*сандхья-баша*) служат объединению смыслов и явлений различных планов бытия, утверждению основополагающей доктрины тантризма – тождества противоположностей, микро-макрокосмического параллелизма.

В. М. Яковлев (Москва) в докладе «Божества и образы триграмм китайской “Книги Перемен” на свитке из коллекции Рерихов в Государственном музее Востока» рассмотрел 28-ю иконограмму астрологического свитка «Колеса времени» (Калачакра), посвященную мандале направлений. По его мнению, образы этого фрагмента представляют собой триграммы «И цзина», согласно схеме Позднего Неба (Верблюдица черного цвета символизирует триграмму «Кунь» (землю); белый цветок – образ триграммы «Дуй» и т.д.).

Н. В. Александрова (ИВ РАН), занимающаяся переводом «Лалитавистары», в докладе «Традиция “Лалитавистары” и ее истоки» поделилась своими наблюдениями, касающимися расхождений между разновременными версиями, а также предположениями о природе этих различий. Частично их можно объяснить эволюцией самого предания, формированием большого числа его прочтений, а в случае переводных вариантов – развитием техники и стилистики перевода, но кроме того, они были продиктованы и внешними влияниями. В докладе комплекс версий был рассмотрен в более широком контексте агиографической литературы, в особенности были интересны наблюдения о текстологических взаимосвязях между версией «Лалитавистары», дошедшей до нас в переводе Дхармаракши, и более ранней агиографической литературой, также сохранившейся в китайском каноне. Обнаружившиеся явления позволили докладчице по-новому поставить вопрос о характере переводческой деятельности Дхармаракши.

В докладе «Идеал *saṃjāna* в литературе гуптской эпохи» Ю. М. Алиханова (ИСАА МГУ) коснулась вопроса о разработке проблемы человеческого поведения в литературной традиции гуптского периода. Взяв за основу сборник Бхартрихари «Тришатака», докладчица показала, что поиски шли главным образом в направлении создания нового идеала, отличного от идеала *санньяси* и от идеала, проповедуемого дхармашастрами.

Сложившаяся в результате концепция «Хорошего человека» (*sajjana*) получила широкое распространение в поэзии и драме позднего периода древности и раннего Средневековья.

В докладе А. Г. Гурии (ИСАА МГУ) «К вопросу об обработке первоисточника в литературной санскритской джатаке» были рассмотрены особенности обработки сюжета о самопожертвовании слона (№ 514 в палийском каноне) в «Джатаке о слоне», входящей в состав «Гирлянды джатак» Харибхатты (IV–V в. н.э., последователя Арьяшурьы и предположительно современника Калидасы). По мнению докладчицы, различия могут быть вызваны: с одной стороны, историческим развитием поэтики (перехода от архаической словесности и, шире, типа мышления – к авторской художественной литературе с ее ценностями и мировоззрением); с другой стороны, особенностями канона высокой придворной литературы (кавья), принадлежность Харибхатты к которой не вызывает сомнений. Кроме этого, в докладе оба текста – палийский первоисточник и санскритская литературная джатака – были проанализированы с точки зрения структуры повествовательного текста, и это позволило понять, как именно Харибхатта работает с исходным сюжетом и как создается ощущение выстроенности, композиционного изящества литературной джатаки.

Доклад Е. Г. Вырщикова (ИВ РАН) «Вратья и чакравартини: образ Миродержца в Древней Индии в палийских, санскритских и ведийских источниках» был посвящен двум образам «Покорения Мира», представленным в сильно отличающихся по времени создания памятниках – в «Атхарваведе» и палийском каноне. В палийском каноне этот сюжет описан в «Чаккаватти-сиханада-сутте» («Сутре львиного рыка чакравартини»), где покорение обитаемой Земли (четырех сторон света) осуществляется царем-«чакравартином» с помощью чудесного предмета – колеса-«чакры», являющимся одним из атрибутов («сокровищ») чакравартини. В «Атхарваведе» (15 глава) покорение четырех сторон света осуществляет не царь, а некий Вратья, и его атрибуты – «магадха» (певец), «блудница» (видимо, танцовщица) и музыкальные конструкции, по две соответствующие каждой из сторон света. В обоих случаях применение оружия не упоминается, более того, в палийском каноне подчеркивается, что чакравартин покоряет мир без помощи меча и наказаний. В итоге автор приходит к двум выводам. Первое: за сюжетом палийского канона стоял ранний субстрат, древностью не уступающий «Атхарваведе». Второе: в «Атхарваведе» и палийском каноне один и тот же сюжет разрабатывается на основе двух разных древних культурных матриц.

Н. А. Корнеева (Москва) в докладе «“Апастамба-яджна-парибхашасутра” (*Āpastamba-yaġña-paribhāṣāsūtra*): проблемы перевода» поделилась своими наблюдениями, сделанными в ходе изучения данного текста, входящего в состав «Апастамба-шраутасутры» (первые четыре главы

XXIV книги). Сутры *парибхаша* по большей части являются метаправилами к предписаниям *шраутасутр*, без которых их понять невозможно. Они в сжатом виде описывают структуру, основные принципы ведийских жертвоприношений и объясняют ритуальную терминологию. Анализируя происхождение жанра сутр, основные их характеристики и виды, а также структуру «Апастамба-яджна-парибхашасутры», докладчица поставила вопрос о методологии перевода данного текста и возможности переноса этой методологии на другие тексты *кальпасутры*.

Доклад В. В. Вертоградовой (ИВ РАН) «“Видимый” и “невидимый” мир в теоретико-культурном дискурсе Древней Индии» был посвящен особенностям понимания природы и специфики художественной выразительности, соотношения реального мира и мира художественного. Она рассмотрела представления «Читрасутры» из «Вишнудхармоттарапураны», касающиеся разных видов восприятия мира (*sādrśya*). Термины, связанные с этими понятиями, образованы от корня *drś* – «видеть» и обозначают различные виды подобия и подражания. Это *адришта* (*adr̥ṣṭa*) – «мир незримый» и *дришта* (*dr̥ṣṭa*) – «мир зримый», относящийся к непосредственному восприятию. Докладчица рассмотрела также категорию *сусадришья* (*susādr̥śya*), или *атисадришья* (*atisādr̥śya*), т.е. «абсолютно подобное», видимо, предполагавшую натуралистическое изображение. К ней можно отнести живопись, распространившуюся в раннегуптское время при царском дворе, и «городскую живопись» (*atisnāgara-vidha*).

Доклад Е. В. Тюлиной (ИВ РАН) «Варуна, вода и водоемы в трактатах по вастувидье в пуранах» был связан с одной из тем индийской науки о строительстве (вастувидьи) – искусственными водоемами. Их создание называлось «жертвоприношением воды» и ставилось в один ряд со строительством архитектурных сооружений. Если дома воспринимались как жилища людей, храмы – как жилища богов, то любой водоем представлялся как жилище Воды, персонификацией которой считался бог Варуна. Наиболее древние представления о Варуне сохранились в описаниях обрядов, которые совершались при создании водоемов и прудов. Важнейшим из них был обряд освящения, который особенно подробно описан в 64-й главе «Агни-пураны» (VI–IX вв.). Этот текст интересен тем, что дает возможность познакомиться с комплексом древних ритуалов и верований, так или иначе связанных с водой.

А. М. Дубянский (ИСАА МГУ) выступил с докладом «Тема “мадаль” (обряд самоистязания) в тамильской поэзии». Хотя стихотворения на данную тему включены в антологии любовной поэзии «эпохи санги», сама она стоит в ней особняком, ибо связана с нетипичным, «негармоничным» аспектом взаимоотношений поэтической любовной пары. Герой, влюбленный молодой человек, не получая, видимо, одобрения старших на брак с девушкой, устраивает проезд по селению на «пальмировом коне» – колючей ветви пальмировой пальмы. Он садится на нее

верхом, и друзья несут его к дому избранницы. Он громко стонет, стараясь привлечь к себе внимание окружающих. Смысл этого обряда не вполне ясен, но его цель, так или иначе состоит в возбуждении общественного мнения. В докладе были рассмотрены детали обряда и сделана попытка его объяснения.

О. П. Вечерина (МГППУ) в докладе «Чидамбарам и его *дикшитары* в зеркале «Панниру тирумурей»» изложила историю знаменитого храмового комплекса и его главного храма Шивы Натараджи, опираясь на данные шиваитского канона и других источников. В числе прочего она рассказала о регулярно проводящихся в Чидамбаре ритуалах и праздниках, поддерживающих древнейшие традиции почитания Шивы и его последователей. Их полноправными участниками являются как живые жрецы-*дикшитары*, так и бронзовые *мурти* наянаров, поэтов, царей и простых бхактов. Таким образом, усилиями многих поколений приверженцев Шивы храм и канон становятся неразрывно переплетены и неотделимы друг от друга.

Е. А. Юдицкая (ИВ РАН), исследуя семантику глагольного корня *bhram* и его дериватов на материале древнеиндийского эпоса и поэзии, констатировала, что корень *bhram* – один из наиболее частотных корней санскрита. Он относится к корням движения и имеет следующие значения: кружить, крутить, вертеть (размахивать оружием, вращать глазами, вращать гончарный круг), двигаться туда-сюда, бродить, блуждать, скитаться. Вторичные лексические значения глагола не менее популярны и связаны с такими понятиями, как душевное смятение, заблуждение, ошибка, ошибка восприятия и т.д. Корень имеет множество дериватов, которые и были рассмотрены в докладе. Особое внимание было уделено важнейшим понятиям теоретической мысли Древней Индии – *bhrama* и *bhṛānti*, обозначающим факты нарушения структуры, отсутствие структуры и принцип свободной композиции, например в древнеиндийской драме, где нарушение линейной композиции и разного рода сбои являются важным принципом художественной выразительности.

С. С. Тавастшерна (СПбГУ) в докладе «Деепричастия пассивного залога в языке пали?» высказал точку зрения, противоположную мнению некоторых исследователей языка пали, утверждающих, что в позднем пали появляются деепричастия пассивного залога (например, *dayhitvā*, *haññitvā*). На конкретных примерах употребления данных форм докладчик показал, что они никакого пассивного залога не выражают, и предложил более приемлемую трактовку конструкций с подобными «пассивными» деепричастиями как разновидности актантной деривации.

С. О. Цветкова (СПбГУ) в докладе «Ирония: “риторическая фигура” в североиндийской поэзии бхакти» показала, что ирония как фигура полемическая довольно широко представлена в средневековой (XV–XVII вв.) проповеднической поэзии основных направлений северо-

индийского бхакти (ниргуна- и сагуна-бхакти), конкурировавших между собой и с другими вероучениями. Мастером использования иронии считается Сурдас (1483–1563), поэт кришнаитского бхакти, основатель жанровой формы «Бхрамара-гита» («Песнь, [обращенная к] пчеле») в контексте изложения сказания о земном воплощении Кришны. Ироническими высказываниями обильно уснащена полемика пастушек-гопи, возлюбленных Кришны, с его посланцем Уддхавом, приверженцем доктрины иррационального медитативного восприятия трансцендентного бога. В докладе была отмечена специфика употребления иронии в индийской поэтике и ее использования в средневековой религиозной проповеди по сравнению с методами, описанными в западной античной и средневековой риторике.

Несколько докладов было посвящено философской тематике. С. Ч. *Офертас* (ИВ РАН) выступил с докладом «Несколько слов о “я” и Адвайте в свете узнавания себя как предельного обладающего в толкованиях Абхинавагупты на “Ишварапрагьябхиджня-карику” Утпаладевы».

Доклад А. В. *Ложкиной* (ИФ РАН) «Вопрос о соотношении субъекта-пудгалы, дискретности мышления-читты и устойчивости характеристик личности в тексте “Катхаваттху” (фрагмент 1.1.193–1.1.196)» был основан на подробном анализе отдельного фрагмента раннебуддийского полемического текста «Вопросы дискуссии» («Катхаваттху») о соотношении субъекта-пудгалы и функционировании мышления и сознания (*читта*). Докладчица предложила свой вариант понимания и перевода текста, предполагающего атрибуцию реплик. Также было проведено краткое исследование раннебуддийской концепции сознания (*читта*) применительно к беседе тхеравадина и пудгалавадина.

Доклад Л. И. *Титлина* (ИФ РАН) «Дискуссия между буддистами и санкхьяиками о существовании и природе атмана в разделе “Атмапарикша” “Таттвасанграхи” Шантаракшиты» был сделан на основе его собственного перевода. Он рассмотрел раздел седьмой главы, посвященный полемике с санкхьяиками о природе атмана. Проанализировав аргументы санкхьяиков и буддистов, докладчик показал, что Шантаракшита и его преемник Камалашила лишь на первый взгляд успешно опровергают все аргументы представителей санкхьи относительно существования и свойств субъекта-пуруши (атмана), пытаются вскрыть внутренние противоречия в логике оппонентов и доказать, что понятие о неизменном атмане как о реалии – лишь иллюзия психики, которая не подтверждается реальным опытом и вступает в логическое противоречие с фактами. В действительности же аргументы как брахманистов, так и буддистов оказываются релевантны в основном только в рамках их собственных систем, а главным предметом противоречий в вопросе о субъекте оказывается не столько само его признание или отрицание, сколько несходство онтологических и логических парадигм

спорящих сторон. В любом случае практически вся аргументация оппонентов направлена на то, чтобы опираться на собственную философскую логику. Для буддистов это несубстанциалистская логика дхарм, а для санкхьяиков – особая логика дуализма, которая в принципе доступна критике, только исходя из их собственных положений.

В докладе «Брахмадева и его комментарий “Дравьясанграха-вритти” в контексте джайнской текстовой традиции» *Н. А. Железнова* (ИВ РАН) поделилась итогами изучения «Дравьясанграха-вритти» Брахмадевы – комментария более раннего трактата, носящего название «Дравьясанграха» (букв. «Собрание субстанций») и приписываемого известному дигамбарскому мыслителю Немичандре Сиддханте Чакравартину (X–XI вв.). В этом произведении Брахмадева использует «коренные» (*mūla*) *gatxi* Немичандры в качестве ключевых концептов, или опорных рубежей, и оно, по сути, является полным и довольно подробным изложением всей джайнской доктрины, как ее понимает дигамбарская традиция. Докладчица представила убедительные аргументы, позволяющие датировать это произведение XIV в., рассказала о его своеобразии и о структуре его текста, а также об особенностях ведения полемики с оппонентами, с которыми Брахмадатта спорит, отстаивая положения джайнской доктрины.

Д. И. Жутаев (ИВ РАН) в докладе «“Ратнавали” Нагарджуны и “Дашабхумика-сутра”: явные и неявные связи» показал, как соотносится ключевая махаянская шастра «Ратнавали» («Драгоценная гирлянда»), входящая в корпус Нагарджуны, с другими буддийскими сакральными текстами. Докладчиком была установлена зависимость этого сочинения от махаянской «Дашабхумика-сутры», притом от ее текста именно в том виде, в каком он дошел до наших дней.

Е. С. Лепехова (ИВ РАН) посвятила свой доклад «Обращение к буддийским сутрам “неясного” происхождения при императорском дворе в Японии в VIII в.» исследованию ранее не изучавшегося буддийского текста «Сутра о спасении и защите тела и жизни» (кит. «Цзюху шэнмин цзин», яп. «Куго синмё кё»). Буддийские каноны, составляемые в Японии в VIII в., не всегда строго следовали китайским образцам. Так, в японский буддийский канон «Гогацу цуйтати иссайкё» вошли сутры, которые в китайских каталогах были причислены к разряду «сомнительных» или «неясного происхождения». Одной из них и является «Сутра о спасении и защите тела и жизни», включенная в канон в 737 г. по приказу императрицы Комё. Возможно, составителей каталога могло привлечь содержание самой сутры, в которой большое внимание уделяется борьбе против колдовства и враждебных сил. В этот период страна и ее обитатели страдали от различных стихийных бедствий, эпидемий и вызванных ими социальных потрясений. В этих условиях императорская власть была готова использовать любые буддийские тексты, независимо от их проис-

хождения, если они выглядели эффективным средством для ее самоутверждения и защиты.

К. А. Демичев (НИУ РАНХиГС) в докладе «Текст в контексте: образ идеального сикхского правителя в кодексе “Прем Сумараг” в позднесредневековых панджабских реалиях» отмечал, что в созданном в первой трети XVIII в. кодексе «Прем Сумараг» («Путь любви»), посвященном поведению сикха и правилам устройства сикхской общины, отразились новые представления, пришедшие на смену традиционной концепции власти правителя в сикхизме. После смерти десятого сикхского гуру Гобинда Сингха в 1708 г., в условиях полномасштабной войны, а затем преследований, геноцида и перехода к ведению партизанской войны, сикхи выработали новые представления об идеальном государственном устройстве и образе правителя, которому приписывались черты, качества, свойства и функции, представлявшие наиболее важными в новой исторической обстановке.

Доклад Ю. Г. Атмановой (ИВ РАН) «Образ Йусуфа в могольской живописи: к вопросу атрибуции» был посвящен исследованию образной и семантической составляющих изобразительной репрезентации истории Йусуфа в могольской миниатюрной живописи XVI–XVIII вв. На конкретном эмпирическом материале была рассмотрена проблема бытования в могольской художественной среде двух практик. Первая подразумевала конвенциональное визуальное воплощение образа Йусуфа в русле персидской изобразительной традиции. Вторая заключалась в интерпретации живописного образа Йусуфа в могольском стиле. Были также затронуты отдельные вопросы, связанные с атрибуцией сюжета и персонажей в трех могольских миниатюрах с историей Йусуфа, и показано, какое влияние на иконографию и стилистическую составляющую персидской миниатюры оказали утонченная эстетика и философия могольской придворной культуры, отражающие властную идеологию.

В докладе «Еще раз к вопросу о сандаловой статуе Будды» Б. У. Китинов (РУДН) коснулся истории создания, почитания и хранения Зандан Зоу – сандаловой статуи Будды, более известной как Зандан Жуу. Докладчик уже обращался к этой теме, однако новые изыскания дали ему возможность внести уточнения в исследование этого малоизвестного сюжета. Он обнаружил архивный материал (конец 1/3 XVIII в.), в котором есть любопытная информация о том, что послы доставили из Китая в Калмыкию тетрадь, где изложена «история о строении Зандан Зоу...». Вероятно, руководство калмыцкой сангхи желало знать (восстановить в памяти) особенности построения этого специального храма и специфику композиции самой статуи. Такой особенный интерес мог быть продиктован, по мнению докладчика, только одним обстоятельством – желанием возвести аналогичный храм и воссоздать подобную статую. Считалось, что пребывание данной статуи в определенном месте гаран-

тировало процветание там учения. Можно предположить, что появлению Зандан Жуу в калмыцких землях мыслилось Шакур-ламой, лидером калмыцкого духовенства, как принципиальный и необходимый шаг к укреплению веры и возрождению крепкого государства.

Д. Н. Воробьева (ГИИ) выступила с докладом «Богиня с *гхантой* и *гхатом*. Дурга (?) в иконографической программе буддийского храма Аурангабада». В исследуемом изображении ее больше всего заинтересовал предмет под нижней левой рукой богини, на который исследователи не обращали внимания. По ее мнению, это изображение барабана, причем – это не *дамару*, характерный для Дурги, как *шакти* Шивы (илл.), а *гхата* – выполненный в форме керамического горшка. Подобный барабан не встречается в других изображениях богини, а также не перечисляется в списках оружия из пуранической литературы. Изображение Дурги находится в небольшом пещерном храме зального типа, по стенам которого расположена группа Саптаматрик («семи Матерей») с Ганешей, Шивой и Буддой. Очевидно, что Дурга в Аурангабаде воспринимается как охранительное божество: считается, что барабан *гхата* и второй атрибут, колокольчик *гханта*, выполняют защитную функцию. Таким образом, в Аурангабаде в иконографию индуистской богини внесли изменения при помещении в буддийский контекст: здесь она – страж буддийского учения *дхармапала*.

А. Н. Бабин (ГИИ) в докладе «Живопись и графика Гималайского региона в коллекции И. П. Минаева (МАЭ РАН): некоторые аспекты атрибуции и интерпретации» рассказал о трудностях, которые возникают при исследовании коллекции, переданной в музей наследниками выдающегося индолога И. П. Минаева без подробной описи. Значительная часть ее единиц хранения до сих пор нуждается в уточнении времени и места создания, а также в интерпретации изображенного. В докладе перечислены предметы коллекции, которые могли быть созданы или приобретены И. П. Минаевым во время путешествий в Гималайском регионе, и предложена атрибуция двух экспонатов. Один содержит три вертикально ориентированных листа (ок. 36 × 27 см.) с изображениями персонажей буддийского и индуистского пантеона; судя по особенностям стиля и иконографии, он происходит из Непала. Другой имеет горизонтальный и несколько более крупный формат (порядка 50 × 80 см.). На нем представлены различные персонажи и сюжеты, большей частью связанные с вишнуитской образностью; в некоторых из них отчетливо просматриваются иконографические особенности, характерные для региона Кумаон в современном штате Уттаракханд.

В докладе «Тантрическая традиция в искусстве индийского модернизма» Е. О. Кузина (ГИИ) проанализировала избранные стихотворения Октавио Паса (1914–1998), мексиканского поэта, лауреата Нобелевской премии (1990), эссеиста и прозаика. Все его произведения, созданные во

время пребывания в Индии в 1960-е гг., проникнуты индуистским мистицизмом и, по мнению исследователей, должны рассматриваться через призму тантрической традиции. В некоторых стихах этого времени отразилось взаимодействие поэта с визуальным материалом искусства Индии, в частности с работами Джагдиша Свамнатхана, чье творчество также было тесным образом связано с тантризмом.

Доклад *К. П. Шрестхи* (ИВ РАН) «Некоторые аспекты культа живой богини Кумари в Непале» был посвящен уникальному явлению религиозной жизни Непала – культу живой богини Кумари, почитаемой и индуистами, и буддистами. Докладчик изложил историю культа, обрядов и церемоний, связанных с поклонением Кумари, дополнив рассказ легендами, которые он записал в Непале и подготовил к изданию на русском языке.

«Имперская идея или этнический стереотип? Концепт “монгол” в первой половине XIII в.» – тема исследования *Ю. И. Дробышева* (ИВ РАН). Проанализировав источники, сообщающие о монголах, он пришел к выводу о том, что поведение монгольских захватчиков в покоряемых странах определялось не этническими стереотипами, а имперской идеологией, которой было пропитано все монгольское общество той эпохи, начиная от великих ханов и кончая рядовыми воинами. При этом слово «монгол», обозначающее воина великого хана, следует рассматривать как политоним, а не как этноним. По сути, это идеологема, за которой стоял творец нового миропорядка, санкционированного самим Вечным Небом. Данная идеологема, порожденная имперской идеологией монгольской элиты, широко внедрилась в массы кочевников, необязательно монголов. Конструирование концепта «монгол», по мнению докладчика, было начато при дворе Чингисхана с подачи цзиньских перебежчиков около 1211 г., а практически завершено ко времени похода в Европу в 1241–1242 гг.

Одно выступление было посвящено деятельности семьи Ю. Н. Рериха. *А. М. Шустова* (ИВ РАН) в докладе «Буддийская миссия Н. К. Рериха в Лхасу» осветила вопрос, почему тибетский поход Рериха (в 1927 г.) осуществлялся как буддийская миссия и был назван «посольством западных буддистов». Готовя экспедицию, Н. К. Рерих опирался на пророчество Дзонкапы, который предсказывал новую реформацию буддизма «ламой, родившимся в западном теле». Предполагалось, что экспедиция достигнет Лхасы и проведет переговоры с Далай-ламой 24 ноября 1927 г. Именно в этот день в США должен был состояться буддийский собор, на котором выбирался глава западных буддистов. Цель экспедиция Рериха – преодолеть изоляцию Тибета (существовал запрет на его посещение европейцами) и объединить восточных и западных буддистов. Однако осуществление этой идеи в то время было невозможно. Слабая тибетская власть и сильное английское противодействие решили исход экспедиции – было принято решение о недопущении ее в Лхасу. Как считает

докладчица, есть свидетельства о том, что Н. К. Рерих видел будущее буддизма в дальнейшем развитии на западе. Это произошло лишь при Далай-ламе XIV – буддийские ценности стали достоянием всего мира.

Выводы

Тематика Рериховских чтений охватывала несколько областей гуманитарного знания: филологию и языкознание, историю и искусствоведение, философию и религиоведение. Такое разнообразие тем было продиктовано широтой научных интересов Ю. Н. Рериха, памяти которого посвящена конференция. Завершились чтения уже вошедшим в традицию так называемым дивертисментом – культурной программой, на которой их участники выступают со своими художественными произведениями и переводами.

Список сокращений

ГИИ – Государственный институт искусствознания, г. Москва.

ИСАА МГУ – Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета, г. Москва.

ИВ НАН – Институт востоковедения Национальной академии наук Украины.

ИФ РАН – Институт философии РАН, г. Москва.

МГТУ – Московский государственный технический университет, г. Москва.

МГППУ – Московский городской психолого-педагогический университет, г. Москва.

НИУ РАНХиГС – Научно-исследовательский университет Российской академии народного хозяйства и государственной службы, г. Москва.

РУДН – Российский университет дружбы народов, г. Москва.

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет, г. Москва.

Информация об авторе

Елена Валерьевна Тюлина, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Востока Института востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Information about the author

Elena V. Tyulina, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Sciences RAS, Moscow, Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 28 декабря 2018 г.

Принята к публикации: 16 января 2019 г.

Article info

Received: December 28, 2018

Accepted: January 16, 2019